

© 2014 г.

Борис Рахаев

кандидат экономических наук, доцент
(Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
им. В.М. Кокова)
(e-mail: rahaevbm@mail.ru)

Алик Рахаев

доктор медицинских наук, руководитель состава Главного Бюро МСЭ
по Кабардино-Балкарской Республике

Базынган Бизенгин

доктор экономических наук, профессор
(Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет
им. В.М. Кокова)
(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье исследуется проблема бедности на Северном Кавказе. Дается анализ состояния и основных тенденций. Описаны особенности состояния бедности на Северном Кавказе. Исследуется влияние бедности на различные аспекты социальной, экономической и медико-биологической жизнедеятельности социумов на территории. Рассмотрены условия сокращения ареалов и глубины бедности.

Ключевые слова: бедность, оценки и измерения, кавказские институты, скрытая бедность, латентная бедность, привычки, стереотипы и архетипы, бедность и заболевания, бедность и социальные эксцессы.

Изучением бедности в разных аспектах и в разных обществах занимались давно. Известны «Синие книги» в Англии, данные из которых использовал К. Маркс при написании «Капитала» и которые сослужили ему (и не только) важную службу при обосновании выдвинутых положений. На основе в том числе «Синих книг» в Англии и других странах Европы, а также Америки и других развитых стран разработаны программы преодоления бедности и защиты общества от бедности.

В России исследования бедности гораздо более скромны по своему масштабу и кругу затрагиваемых проблем. Причина отчасти в примиренческом восприятии бедности в сознании большинства населения, отчасти же (и, по-видимому, главным образом) в идеологии, которая не признавала существование бедности в социалистическом обществе. К настоящему времени теоретико-методологический и методический задел, созданный в советские годы, был расширен за счет изучения новых тенденций и явлений. Получили более современное толкование отдельные аспекты бедности, расширена методическая база расчета порога бедности, проведена дифференциация бедности с учетом различной ее градации (бедность,

нищета и т.д.), разработаны новые категории и в целом расширены методологические и теоретические основы изучения бедности. В этой связи следует назвать работы А. Александрова, Л. Беляевой, О. Воронковой, Е. Зубковой, И. Колмаковой, О. Нефаевой, Л. Овчаровой и Э. Теслюка, А. Разумова и М. Ягодкиной, Н. Римашевской, Т. Федотовской, А. Шевякова и других. Впрочем, даже с учетом этих исследований приходится констатировать, что масштабы изучения проблемы бедности в современной России явно недостаточны (тем более по сравнению с Европой). Еще более скромными являются региональные исследования, хотя именно на региональном уровне особенно проявляется своеобразие и противоречивость российской ситуации. В этой связи следует особо указать на скудность исследований бедности на Северном Кавказе. Имеющиеся исследования носят преимущественно описательный и во многих аспектах компилятивный характер, слабо освещают глубинные особенности бедности на Кавказе.

Можно отметить ряд особенностей, которые нужно учитывать как на методическом (речь идет об отборе методов изучения), так и на проектном уровне (методов проектирования). Первая – **на Северном Кавказе семейность больше, чем индивидуальность влияет на многие параметры жизнедеятельности индивида и общества и, следовательно, более сильное влияние оказывают институты традиционного общества.** Поэтому, чтобы понять особенность такого явления как бедность, богатство и т.п., требуется исследовать традиционные институты Кавказа. Вторая – структура домашних хозяйств на Кавказе отличается явным доминированием натурального хозяйства. Структура потребления, а следовательно, и формируемые на ее основе нормы и нормативы потребления (минимальный потребительский бюджет, прожиточный минимум и т.д.) должны соотноситься с данным свойством домашних хозяйств. Третья – низкие социальные запросы (социальные потребности) людей, которые формируются местными традициями (в т.ч. религиозными) и менталитетом. Это минимизирует, например, размер прожиточного минимума (ПМ); в потреблении увеличена доля фактора биологического воспроизводства (еда, питье, сон и т.п., а также биологическое размножение). Также велика доля натурального хозяйства в обеспечении потребления. В результате величина ПМ в среднем в регионе оказывается ниже среднего по РФ. Четвертая – своеобразная региональная система расселения населения, связанная с традиционным образом жизни, демографической ситуацией, соотношением и состоянием городского и сельского населения и т.п. Крупных городов на Северном Кавказе, если не учитывать Ставропольский край и рассматривать лишь республики Северного Кавказа, оказывается по одному – это столицы республик. Все же остальное пространство занимают поселки, станицы, села, деревни, аулы, хутора. Соот-

ношение между сельским и городским населением оказывается в пользу первого.

Есть еще пятая особенность – **большие семьи, система взаимосвязей между семьями, объединяемая, как правило, термином «традиционный образ жизни»**. По сути, до конца советского периода (до 90-х годов) развитие семьи на Северном Кавказе (причем безразлично в горной или равнинной частях его) шло в направлении сохранения больших и «многоярусных» семей. В «одном дворе» могло проживать несколько поколений, ближайшие родственники (двоюродные и даже до третьего и четвертого поколения) соседствовали, что называется, находились «за стеной». Братья, дяди, сестры и тетки были взаимно связаны, их отношения предполагали взаимопомощь. Семьи взаимодействовали в воспитании детей. Было общее питание, игры и т.д. Все они вели общее хозяйство. Корова, овцы, лошади и прочая живность одних могла оставаться в помещениях других. Общими бывали сеновалы и корма. Четкого и «местечкового» разделения хозяйства не происходило. Поэтому посадка, уборка сельскохозяйственных культур проводилась, как правило, сообща. Присмотр за скотом также происходил сообща. Поэтому здесь следует различать *два понятия семьи*. Одно связано с биологической характеристикой семьи: биологические родители и их дети. Другое связано с социальной характеристикой семьи: союз лиц разного возраста и родства, проживающих, можно сказать, «под одной крышей» и ведущих общее хозяйство. Полагаем, что исходя из этого следует определять и так размер семьи. Исходя из первого определения – биологического – размер семьи, включающий родителей и детей, на Кавказе на закате советского периода составлял в среднем 5-7 человек, из которых двое родителей и трое-пятеро детей. Исходя же из второго определения – социального – размер семьи составлял уже 9-15 человек.

Причина такого состояния в структуре семьи объясняется следующими основными факторами: во-первых, ограниченностью «свободы места проживания», (сформированной советской системой «общежития»: институт прописки, получение работы и т.д.), во-вторых, высокой плотностью населения, вызванной ограниченностью свободных площадей, в-третьих, четкой «этнической окраской» территорий. На Кавказе, по сути, нет так называемой ничейной территории. Вся территория имеет этнические маркеры и никто не посмеет заселять «чужую» территорию. Поэтому, несмотря на «либеральный» характер взаимоотношения между народами при советском строе, никто не переступал черту в территориальном вопросе. Максимум, что мог сделать иногородний этнос для заселения «чужой» территории – совместные браки. Но и это не выделяло территорию, т.е. не делало ее «своей». Территория всегда оставалась «национально окрашенной». По-видимому, это в значительной мере и определяло традиционную систему расселения на Северном Кавказе.

Наряду с данными – фундаментальными, свойственными всем территориям (субъектам) Кавказа, имеются также локальные и временные особенности. В частности, одной из таких особенностей является наличие многих различий между Ставропольским краем и республиками Северного Кавказа. Во-вторых, различие между городским и сельским населением. И в этой связи возможно два вида разграничения территории Северного Кавказа. Один – предполагает разделение территории Северного Кавказа на две: Ставропольский край и республики Северного Кавказа. Другой – выделение двух типов территорий внутри данных областей: городское население и сельское население. Последнее предполагается дифференцировать на: а) сельское население пригородов, б) сельское население равнинных сел, станиц, хуторов, в) сельское население высокогорных сел, аулов, поселений.

Все перечисленные факторы вносят коррективы в основные признаки такой категории, как бедность на Северном Кавказе, делает ее содержание несколько иным по сравнению с аналогичными признаками в среднем по РФ. Это означает, в частности, что **при расчете таких показателей, как прожиточный минимум, заработная плата, душевые доходы и т.д., характеризующих основные параметры и нормы обеспечения воспроизводства отдельного человека и даже всего лишь работника, необходимо, чтобы в большей мере учитывались еще и потребности иждивенца.¹ Поэтому размер основных параметров на Кавказе должен быть выше, чем в среднем по РФ.**

Исходя из перечисленных особенностей, до 1992 г. на Кавказе ситуация с бедностью выглядела в некоторых аспектах даже лучше, чем в среднем по РФ. Однако с 1992–93 г. она радикально начинает меняться, чему, с одной стороны, способствует устраненность государства от выполнения социальных обязательств (и фактически отказ от государственного патернализма, к которому население Кавказа готовили – чуть ли не с середины XIX в., а затем активно в XX веке), а с другой стороны – политика «шоковой терапии», в результате которой сбережения частью были экспропрированы (средства на сберкнижках), частью же (которые были под подушкой; а их на Кавказе было, по-видимому, больше, чем в среднем по РФ в силу специфики образа жизни) обесценены. Вследствие этих двух обстоятельств, не говоря уже о развале производств, миграции, коррупции и т.д., население Северного Кавказа резко обнищало. В РФ до 1992 г. уровень бедности составлял, как правило, 25-30%, после 1992 г. доходы в среднем упали в 2,5 раза, граница бедности выросла также в 2,5 раза и число бедных возросло до 63-75%, т.е. более 2/3 населения оказа-

¹ Как известно, в СССР минимум оплаты труда не должен был быть ниже полутора минимальных бюджетов, с тем, чтобы обеспечивать *воспроизводство работника и половину иждивенца*, в соответствии с показателями семейной нагрузки. //Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения //Социс.- 2005. – №4. – С.3)

лось за чертой бедности в соответствии с прежними критериями. Если бы на Северном Кавказе сохранялась прежняя система общежития – традиционная большесемейность, то уровень бедности, очевидно, не вышел бы за эти пределы и даже оказался бы ниже, чем в среднем по РФ. Но в это самое время в результате непродуманной социально-экономической политики происходило следующее.

С одной стороны, стали раздавать землю всем совершеннолетним лицам мужского пола. Цель такого мероприятия – дать каждой семье свой участок для строительства дома и ведения самостоятельного хозяйства. *Речь идет о создании условий для перехода от сложной патриархальной и большесемейной ячейки к нуклеарной* (элементарной, составной неолокальной). С другой стороны, одновременно, происходил процесс активной миграции русскоговорящего населения и тем самым происходило освобождение квартир, домов, земельных участков, которые активно скупались местными жителями. В результате данных двух тенденций произошло разрушение не только традиционной семьи, но и внутрисемейных отношений. Все это оказало влияние на хозяйственный уклад семьи, а через это также усугубило динамику и структуру бедности.

Учитывая произошедшие экономические, социальные, демографические и другие изменения, и рассматривая их через призму современных критериев и методов оценки бедности, **Северный Кавказ часто относят к бедной и даже беднейшей территории России.**

За предыдущее время (особенно в 90-е годы) произошло массовое обнищание населения Северного Кавказа. Население, привыкшее к высокой степени патернализма (в центральной России такого патернализма не наблюдалось), вдруг оказалось один на один со своими проблемами. К социальной дифференциации, которая образовалась в 90-е, прибавилась маргинализация нулевых годов. В результате у части населения (в особенности у людей старшего и пожилого возраста, а также у людей, проживающих в горных населенных пунктах) повседневностью становится своеобразная «борьба за выживание», которая здесь принимает своеобразный характер фатализма. Впрочем, люди не говорят о своей бедности, т.к. здесь не принято об этом говорить в силу того, что считается позором признаваться в бедности, и поэтому создается своеобразный фасад, но за ним порой можно обнаружить «царство нищеты и бедности». Истинную нищету и бедность на Кавказе можно понять лишь изучив глубинные процессы. В целом же нищета и бедность прикрываются все сохраняющейся системой взаимопомощи и взаимовыручки. Соседи (а они часто и родственники), родственники, односельчане помогают друг другу. Но при этом в отдельных стратах и даже на отдельных территориях стала формироваться (получив своеобразное моральное оправдание, если не полное нормативное признание), своеобразная «привычка к бедности». Поэтому для Кавказа, как, очевидно, ни одного другого региона страны, необ-

ходима государственная стратегия «преодоления бедности», которая содержала бы механизмы защиты от бедности, вопреки нынешним механизмам нивелирования бедности, и преодоление привычки к бедности и связанной с нею (являющейся фактически стержнем последней) – «непритязательности требований» к быту, образованию, медицине и проч.

В связи с этим следует признать: очень важно искать выход из такого положения. Но для этого требуется знать реальное состояние, выделить факторы и условия, провести их формализацию, классификацию, квантификацию, верификацию, смоделировать и на этой основе определить пути выхода из ситуации, решения проблемы.

Нельзя утверждать, что всего этого не делалось и не делается. Напротив, ведутся масштабные и глубокие исследования, предлагаются меры. Разрабатывались и разрабатываются федеральные и региональные программы, концепции, стратегии. (Кстати, числом не меньше, чем в любом другом регионе России.) Но, тем не менее, проблема остается. Причем острота ее не снижается. Это значит, что путь (совокупность мероприятий, инструменты и механизмы, а возможно, концептуальное решение, которое предлагается) не настолько эффективен, как необходимо.

Мы рассмотрим здесь один из аспектов данной проблематики: оценим состояние бедности на российском Кавказе на основе данных официальной статистики.¹

Первый показатель, который чаще всего используют при анализе состояния бедности – численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Данный показатель определяется на основе распределения населения по величине среднедушевых денежных доходов и их сопоставлении с величиной прожиточного минимума. Обратимся к данным официальной статистики, которая, как известно, объективно (в силу абстрактности цифр) и субъективно (для получения более позитивной картины) представляет ситуацию более благополучной, чем в действительности.

Итак, по данным официальной статистики², численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в регионах Северного Кавказа за 2000–2011 гг. снизилась в среднем с 61 до 15%, т.е. более чем в 4 раза. Правда, в различных субъектах нынешнего СКФО динамика

¹ Хотя при этом мы осознаем всю условность этих данных и полностью согласны с их оценкой Э. Теслюком и Л. Овчаровой (Овчарова Л., Теслюк Э. Бедность и неравенство в России: зависимость статистических показателей бедности и неравенства от метода измерения благосостояния домашних хозяйств. – М., 2007). Но в данном случае мы преследуем несколько иные цели, чем авторы указанной монографии.

² В настоящей статье все расчеты проведены преимущественно на данных официальной статистики, представленных в открытой печати. Эти данные, в привычной форме таблиц и графиков, здесь не приводятся из-за ограниченности объема статьи.

снижения оказывалась разной как в силу разной исходной базы, так и различной динамики. И тем не менее по всем регионам Северного Кавказа темпы снижения оказываются выше, чем в среднем по РФ. Наиболее сильно этот показатель снизился в Республике Дагестан – почти в 9 раз (с 72,6% в 2000 г. до 8,3% в 2011 г.) а самые низкие темпы снижения наблюдались в Ставропольском крае и Северной Осетии – в 2,5 и 2,6 раза. Но численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в Северной Осетии в 2011 г. составляла 12,6%, тогда как в Ставропольском крае 18,3%. Причем следует учесть два явления. Первое – Северная Осетия начала с более низкого уровня (33,2% в 2000 г.), а Ставропольский край с 45,2%. Второе – численность населения Ставропольского края почти в 4 раза превосходит численность населения Северной Осетии. Это означает, что численность населения, имеющего душевые доходы ниже прожиточного минимума, в Ставропольском крае на начало 2012 г. составляла 510,0 тыс. чел., тогда как в Северной Осетии только 89,3 тыс. чел. Но при этом следует указать на то, что в Ставропольском крае численность населения данной категории за 12 лет снизилась почти в 2,4 раза, тогда как в Северной Осетии более чем в 2,6 раза. Наибольший удельный вес данной категории населения после Ставропольского края приходился на Карачаево-Черкесию, Ингушетию и Кабардино-Балкарию.

Обобщая имеющиеся данные, следует заметить, что, несмотря на активное снижение численности населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума за 12 лет, по всему Северному Кавказу (исключая Чеченскую Республику) из почти 8,2 млн. человек, за чертой бедности в 2011 г. проживало почти 1,15 млн. человек, что составляет более 14% всего населения макрорегиона.¹ Это весьма большая цифра как в целом по макрорегиону, так и внутри него – по составляющим.

Впрочем, общая численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, еще ни о чем не говорит, если не знать «поведение» самой величины прожиточного минимума. «Величина прожиточного минимума в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»

¹ Авторами сделан пересчет данного параметра в двух вариантах. Один учитывает распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов населения и сопоставление последней с величиной прожиточного минимума. Другой – учитывает средний по РФ уровень прожиточного минимума и его сравнение с размером прожиточного минимума по конкретному региону. В обоих вариантах численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, оказалась выше, чем по данным официальной статистики. Но поскольку мы условились, что будем пользоваться исключительно данными официальной статистики России, то приведенное замечание следует воспринимать лишь как очередное доказательство статистической условности показателя бедности.

представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина включает минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, и устанавливается Федеральным законом – в целом по Российской Федерации, законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации – в субъектах Российской Федерации. Стоимостная оценка потребительской корзины в целом по Российской Федерации осуществляется на основании Федерального закона от 31 марта 2006 г. № 44-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (за 2000–2005 гг. она определялась на основании Федерального закона от 20 ноября 1999 г. № 201-ФЗ) и данных Росстата об уровне потребительских цен. Величина прожиточного минимума определяется ежеквартально в среднем на душу населения, а также для трех социально-демографических групп населения (трудоспособное население, пенсионеры, дети) и устанавливается Правительством Российской Федерации – в целом по Российской Федерации, в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации, – в субъектах Российской Федерации.»¹

В силу региональной дифференциации она может раскрывать многие аспекты качества и уровня жизни, а стало быть, и самой бедности. Рассмотрим динамику данной величины внутри макрорегиона. Динамика величины прожиточного минимума была ограничена 2005–2011 гг.

В целом за шесть-семь лет (2005–2011) динамика ПМ по регионам Северного Кавказа позитивная (полагаем, что семилетний период вполне информативен). Если в среднем по РФ размер ПМ вырос с 2006 по 2011 гг. в 1,81 раза, то по Северному Кавказу в среднем в 1,92 раза, в ЧР – в 2,11 раза, Дагестане – 1,96, Кабардино-Балкарии – 1,92, Ставропольском крае – 1,9. В других регионах СК, за исключением Ингушетии, рост превосходил средний по стране. В Ингушетии он оказался ниже – лишь 1,75 раза. Впрочем, динамика еще не представляет реальную ситуацию.

Разберем конкретный размер ПМ, который, согласно федеральным законам № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и № 44-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», включает *минимальные наборы* продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Так вот, согласно статистическим данным официальных органов государственной статистики России, величина прожиточного минимума в регионах Кавказа сильно варьировалась. Наибольший размер ПМ с 2005 г. имела Чеченская Республика, но и он оказывался только в 2010–2011 г. выше среднероссийского. Другие ре-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 г. М.: Росстат. 2012.

гионы СК имели ПМ в размере 75-93% от среднероссийского. В 2006 г. размер ПМ регионов СК составлял к среднероссийскому: в Дагестане 72%, Ингушетии – 83%, КБР – 74%, КЧР – 79%, РСО-Алания – 75%, ЧР – 91, Ставропольский край – 89%. В 2011 г. размер ПМ по регионам СК к среднероссийскому составил в среднем по СКФО 85,6%, для РД – 78,5%, РИ – 80%, КБР – 79%, КЧР – 82%, РСО-Алания – 80%, ЧР – 106%, Ставропольский край – 92%.

Сопоставление обоих показателей: численности населения с доходами ниже прожиточного минимума и размера прожиточного минимума, дает основание констатировать, что имея более низкий, чем в среднем по РФ размер ПМ, регионы СК получали, тем не менее, более высокий показатель доли населения, проживающего за чертой бедности. Стало быть, если скорректировать статистический показатель численности населения с доходами ниже прожиточного минимума на средний показатель ПМ по России, то численность населения, проживающего за чертой бедности, на Северном Кавказе возрастет еще на несколько (возможно, десяток) процентных пунктов. Таким образом, даже согласно статистике **реальная бедность на российском Кавказе оказывается выше, чем это принято по данным официальной статистики.**

Исследования показывают, что бедность коррелирует с душевыми доходами. И в этой связи представляет интерес выявление динамики душевых доходов и их сопоставление с прожиточным минимумом и другими параметрами региональной бедности на Кавказе.

Можно отметить несколько тенденций. Первая – опережающий темп роста душевых денежных доходов в субъектах Северного Кавказа по сравнению со среднероссийским показателем. Так, если в среднем по РФ с 2005 по 2011 гг. душевой денежный доход вырос в 2,6 раза, то в среднем по СК в 3,3 раза, а в РД и РИ – в 4,2 раза, КБР – в 3,0, КЧР, РСО-Алания – в 2,9, Ставропольском крае – в 2,8 раза. Вторая – субъекты Северного Кавказа начали движение с более низкого старта (сработал эффект низкой базы). В 2005 г. средний размер душевых доходов Северного Кавказа составлял всего лишь 56% от среднероссийского. Наивысший размер душевых доходов имели жители Ставропольского края – 5117 руб., но и тот составлял всего лишь 63,3% от среднего по РФ. В 2008 г. средний уровень по Северному Кавказу вырос до 65% от среднего по РФ. В Ставропольском крае он вырос всего на 2%, тогда как в Дагестане на 16,5% и достиг абсолютного максимума 70,9% от среднего по РФ. В 2011 г. соотношение между среднедушевыми доходами по РФ и регионами СК составило: в РД – 88,1%, РИ – 55,7%, КБР – 60,9%, КЧР – 56,6%, РСО-Алания – 66,3%, ЧР – 67,6%, Ставропольском крае – 69,6%. Иными словами, за десятилетие регионы Северного Кавказа достигли лишь 70% уровня от среднероссийского показателя душевых денежных доходов. Это говорит о том, что при сопоставлении более низкого, чем среднерос-

сийский уровень душевых доходов, с более низким размером стоимости потребительской корзины показатель бедности статистически занижается. Он оказывается ниже реального. Третья – наблюдается рост вариации внутри макрорегиона за счет того, что душевые денежные доходы в регионах стремятся к «отдалению», а не к однородности. Например, если Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия в 2005 г. имели почти одинаковые душевые доходы (вариация была невысокой), то в 2011 г. размер душевых доходов в Кабардино-Балкарии составлял уже только 69%, тогда как в 2005 г. – свыше 95%. Выросли различия между КБР и КЧР. Уступил свои лидерские позиции Ставропольский край, который в 2005 г. превосходил Дагестан почти на 117%, но уже в 2011 г. душевые доходы ставропольчан составляли только 80% от доходов дагестанцев. Значит, в то время когда в одних регионах происходит действительно снижение бедности за счет роста душевых доходов, в других, наоборот, душевые доходы снижаются, что ведет к росту бедности как статистической, так и реальной.

Сопоставим размер прожиточного минимума со среднедушевыми доходами населения. Расчеты позволяют выделить ряд тенденций. Первая – наблюдается растущее опережение среднедушевых доходов по сравнению со стоимостью потребительской корзины как в целом по РФ, так и по субъектам Северного Кавказа. Правда, эта тенденция не имеет линейный характер; наблюдается некая цикличность, но в целом по периоду имеет место рост. Вторая – большинство регионов Северного Кавказа имели показатель соотношения среднедушевых доходов к размеру прожиточного минимума ниже, чем в среднем по РФ, и только Республика Дагестан и Северная Осетия-Алания с 2008 г. имели значение данного индикатора выше, чем в среднем по РФ. Причем Дагестан превзошел средний по РФ почти на 110 п.п. Это говорит о том, что регионы Северного Кавказа, имея более низкий уровень величины прожиточного минимума, чем в среднем по РФ, за исключением Дагестана, *расширяют пространство бедности, делают ее имманентным признаком той модели развития своих регионов, которую реализуют в последние семь лет.* Третья – внутри группы имеет место высокая вариация. Так, если в 2005 г. соотношение между ПМ и душевыми доходами в Дагестане составляло 265%, в КБР и КЧР – по 227-221%, а в РСО-Алания – 303%, то в 2011 г. Дагестан достиг 501%, РСО-Алания – 396%, а КБР, РИ и Ставропольский край немного больше 300%. Собственно, этими процессами объясняется если не растущий, то и не снижающийся размер численности населения, проживающего за чертой бедности в Ставропольском крае, КЧР, КБР и Ингушетии, и его снижение в Дагестане.

Теперь о самом важном – в чем источник бедности? Осознавая масштабность вопроса, авторы разделили его на ряд мелких. Первый, – на что уповают в исследуемых регионах региональные (и федеральные) вла-

сти в «борьбе с бедностью»? Второй, – какова природа используемых инструментов и к чему ведет их использование? Третий, – что делать?

Начнем с первого: в чем источник и каков механизм «борьбы с бедностью»? По-видимому, есть множество способов и инструментов этой борьбы. Исторический опыт богат, но не все использовавшиеся методы достаточно гуманны, не всё можно использовать в нынешних условиях. Из тех, которые можно использовать, наиболее часто выделяют два, которые принято облекать в фигуральное выражение: «дать рыбу» и «научить ловить рыбу». Посмотрим, которому методу отдают предпочтение в исследуемом регионе.

Источником богатства является труд, деятельность. Причиной бедности – безделье, тунеядство и т.п. Оба направления представляют различные институциональные явления. По-видимому, в определенной мере их могут представлять валовой региональный продукт, рассчитанный на душу населения, и объем безвозмездных поступлений из федерального и прочих бюджетов, также рассчитанных на душу населения. Проанализируем динамику и структуру данных параметров в региональных экономиках Северного Кавказа и определим их влияние на состояние бедности.

Итак, первый параметр – валовой региональный продукт в расчете на душу. Прежде всего, следует отметить более высокую динамику душевого ВРП в среднем по Северному Кавказу, чем в среднем по РФ. Если по РФ в среднем душевой ВРП вырос за период 2005- 2010 гг. в 2,1 раза, то по СКФО в 2,4 раза, а в Ингушетии в 3,0 раза, Дагестане в 2,9 раза, Чечне в 2,8 раза и т.д. Самые низкие темпы роста душевого ВРП наблюдались в КБР и Ставропольском крае, которые оказались даже немного ниже среднероссийских. Во-вторых, регионы Северного Кавказа имеют разный размер душевого ВРП. Например, душевой ВРП Ингушетии составлял в 2005 г. всего около 14%, а в 2010 г. около 20% от среднероссийского. Самыми «крупными» по этому параметру выступают Ставропольский край и РСО-Алания, имевшие, соответственно, по 35 и 42,5% в 2005 г. и 40 и 43,5% в 2010 г. Душевой же ВРП других субъектов Северного Кавказа, за исключением Республики Дагестан и то только в 2010 г., не превышает 35% от среднероссийского. В-третьих, внутри региона имеются большие различия. Размер душевого ВРП той же Ингушетии составляет лишь около 50% (правда, в 2005 г. он составлял еще меньше – около 40%). Если сопоставить динамику бедности, то заметно, что в субъектах Северного Кавказа, в которых имеет место более низкий, чем в среднем по РФ показатель душевого ВРП, наблюдается рост или в лучшем случае консервация бедности. Отставание темпов роста душевого ВРП от среднероссийских и средних по СК также не способствует снижению уровня бедности.

Но почему в этих регионах не наблюдается *статистического* снижения бедности? Причин, по-видимому, много, но обратимся к одной из них. Общеизвестным считается, что одной из основных причин роста

бедности является получение безвозмездной помощи, т.е. та самая «рыба», которую дают. Этот фактор не стимулирует определенную часть населения к производительной деятельности и становится фактором роста бедности или снижения своеобразного социального иммунитета против бедности; формируется своеобразная привычка к бедности; само существование индивида воспринимается преимущественно как биологическое существование. В этой связи заслуживает внимания динамика безвозмездных перечислений из федерального бюджета в региональные на душу населения и влияние данного источника на динамику бедности.

Регионы Северного Кавказа с 2000 по 2011 г. получили безвозмездных перечислений из федерального бюджета на сумму в 1176,5 млрд. руб. Удельный вес субъектов СК в общем объеме безвозмездных поступлений в среднем за 12-летие составляет 13,3%, и он никогда не снижался ниже 11%, а в 2004 г. составил даже 26% от всего объема безвозмездных перечислений федерального бюджета региональным. Правда, данная сумма распределялась по субъектам СК неравномерно как по годам, так и по конкретным субъектам. Наибольший объем приходится на Чеченскую Республику и Дагестан, соответственно, 32,7 и 26,7%, а наименьший на КЧР – 5% от общей суммы по СК. Но для нас интересно даже не это, а то, в какой пропорции распределяются эти суммы в расчете на душу населения.

Прежде всего, следует указать на то, что темпы роста объема безвозмездных поступлений в бюджеты субъектов Северного Кавказа с 2005 по 2010 гг. выросли более чем в 2,6 раза. Правда, во-первых, они оказываются ниже темпов роста в среднем по РФ (3,4 раза), во-вторых, имеет место неравномерность в разрезе территорий СК. В Чеченской Республике данный показатель вырос более чем в 3,5 раза, тогда как в Северной Осетии-Алания только в 1,7 раза, в КБР – 2,2, Ставрополье и Ингушетии в 2,4 раза и т.д. Кроме того, (и это в-третьих) сам размер этих поступлений в расчете на душу населения в разных регионах Северного Кавказа оказывается разным. Наибольший объем приходится на Чечню (свыше 410% по сравнению со среднероссийским; почти 180% в 2005 г. и почти 240% в 2010 г. от среднего по СК), а самый низкий приходится на Ставропольский край (соответственно, 122% в 2005 г. и 85% в 2010 г. от среднероссийского и 54 и 49% от среднего по СК). Ниже среднего по СКФО в 2005 г. были значения данного показателя в РД и КБР, а в 2010 г. также и в РСО-Алания. Но при этом во всех регионах СК этот показатель превышал среднероссийский в разы.

Проверка влияния двух факторов: размера безвозмездных поступлений в бюджеты субъектов и ВРП в пересчете на душу населения, показала, что влияние душевого ВРП на динамику основных параметров бедности более высокое, чем душевых безвозмездных поступлений. Причем это обнаруживается как в целом по РФ и СК, так и по регионам СК. В то же

время имеет место дифференциация и ранжирование влияния факторов по регионам и по признакам. В частности, отрицательную корреляцию между душевым ВРП и численностью населения, имеющего денежные доходы ниже прожиточного минимума, имели все регионы СК, но при этом наиболее сильная корреляция наблюдалась в РИ (-0,987), КЧР (-0,942), а также Дагестане (-0,911). Несколько ниже данный коэффициент был в РСО-Алания (-0,896), Ставропольском крае (-0,873) и КБР (-0,857). Его сопоставление с аналогичным параметром по душевым безвозмездным поступлениям в бюджеты указывает на заметные вариации. В частности, если наивысшее значение данного параметра остается за РИ (-0,968), то на втором месте оказывается КБР (-0,910), Дагестан отходит на четвертое место (-0,888), а самый низкий показатель наблюдается по Ставропольскому краю (-0,58) и РСО-Алания (-0,755). Полученные значения можно интерпретировать так: с ростом как душевого ВРП, так и объемов безвозмездных перечислений в регионы на душу населения снижается удельный вес населения, проживающего за чертой бедности. Причем влияние душевого ВРП оказывается более сильным, чем душевых безвозмездных поступлений, но только в тех регионах, в которых первый оказывается выше, чем второй. К таким регионам относятся Ставропольский край, Республика Дагестан, РСО-Алания. В республиках - Ингушетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия (именно в такой последовательности) численность населения, проживающего за чертой бедности, оказывается сильнее зависящей от безвозмездных поступлений из федерального бюджета, чем от собственной деятельности.

Этот вывод подтверждается также изучением связи размера прожиточного минимума, душевого ВРП и душевых безвозмездных поступлений. Сильнее всего душевые доходы и размер прожиточного минимума коррелировали с безвозмездными поступлениями на душу населения в Ингушетии (0,988), Карачаево-Черкесии (0,972), Чеченской Республике (0,965), Дагестане (0,958), Кабардино-Балкарии (0,945). Наиболее слабо в РСО-Алания (0,687). При этом на размер прожиточного минимума безвозмездные поступления оказывали наибольшее влияние в КБР (0,982), КЧР (0,979), Ингушетии (0,957), а наименьшее, опять же, в РСО-Алания (0,715), Чечне (0,818) и Ставропольском крае (0,894). Что касается корреляции данных показателей с душевым ВРП, то в наибольшей мере на размер душевых доходов душевой ВРП оказывал в КБР (0,995), Дагестане (0,990), РСО-Алания (0,988), Ставропольском крае (0,981), а самый низкий в Чечне (0,873). Ранжирование регионов СК по значимости корреляции душевого ВРП с размером прожиточного минимума повторяется за исключением Дагестана и КБР (они меняются местами) и РСО-Алания и КЧР (также меняются местами). Что может быть интерпретировано, в том числе, и как статистические манипуляции региональных органов власти.

Отмеченные ранее тенденции корреляции душевого ВРП и основных параметров бедности подтверждаются, хотя и с некоторыми вариациями, также и при анализе показателей душевых инвестиций в основной капитал по регионам.

В условиях неразвитых социально-рыночных отношений, высокой монополизации экономики, слабой диверсификации и высокой ресурсной составляющей, низкой креативности важное значение в решении проблем бедности имеет механизм распределения богатства внутри общества. Практика показывает, что перечисленные выше условия стимулируют рост бедности, который прикрывается манипуляцией цифр. Эту же особенность можно было обнаружить на примере проведенных нами расчетов, явных противоречий (нестыковок) в динамике различных показателей и индикаторов, характеризующих состояние бедности. Например, совершенно непонятно, почему при росте душевых доходов опережающими темпами относительно душевого ВРП, при увеличении в регионах безвозмездных поступлений в бюджеты одновременно растет общее число бедных? Почему размер потребительской корзины коррелирует сильнее с безвозмездными поступлениями, чем с душевым ВРП? Почему рост потребительских расходов опережает рост душевого ВРП и т.д.? Все это говорит о наличии явных и скрытых противоречий внутри регионального развития и в частности в механизме борьбы с бедностью.

Один из аспектов данных противоречий выражает динамика двух параметров: коэффициента фондов и коэффициента Джини. Обратимся к ситуации с данными параметрами в регионах Северного Кавказа.

В 2002 г. коэффициент фондов в регионах Северного Кавказа был ниже среднего по РФ и в целом не превосходил 75%. Регионы располагались в следующем порядке: РД (75%), КЧР (72,1%), Ставропольский край (67,1%), КБР (62,1%), РСО-Алания (61,4%) и Ингушетия (57,1%), т.е. степень социального расслоения в регионах Северного Кавказа была ниже, чем в среднем по РФ. Можно говорить об относительной социальной однородности общества. Что, собственно, соответствует основным признакам традиционных обществ. Ту же тенденцию демонстрирует коэффициент Джини, который оказывается несколько выше, чем по предыдущему параметру. Но при этом можно констатировать, что фактическое распределение душевых доходов в регионах Северного Кавказа было ближе к достаточно приемлемому распределению, чем в среднем по РФ. Резкие изменения произошли в 2005 г. Размер коэффициента фондов вырос в среднем по СК до 10,4, а коэффициент Джини до 0,355. Важно отметить, что степень социального расслоения и концентрации доходов в регионах СК росла более высокими темпами, чем в среднем по РФ. Все регионы СК, за исключением Ингушетии и Карачаево-Черкесии, наращивали уровень социального расслоения. Более ускоренно, чем в среднем по РФ и СК, расслоение общества в это четырехлетие происходило в КБР и Ин-

гушетии. В остальных регионах, хотя темп расслоения общества оказался ниже среднего по СК, но при этом выше среднего по РФ (за исключением Дагестана и Ставропольского края; первого по обоим показателям, второго по коэффициенту фондов). Все это свидетельствует о том, что регионы Северного Кавказа как бы соревнуются между собой по темпам догнать и перегнать среднюю Россию по степени социального расслоения и концентрации доходов в руках отдельных социальных групп (в этом деле особо следует выделить Кабардино-Балкарскую Республику). По коэффициенту Джини, например, Дагестан, уже почти достиг среднероссийского уровня. Если в целом по РФ в период кризиса (2009–2011 гг.) темпы роста коэффициентов фондов и Джини даже снижались, соответственно, до 95,9 и 98,6%, то по СК, наоборот, выросли. При этом следует учесть, что если в 2002 г. средний размер коэффициентов фондов и Джини по СК составлял только 66 и 85% от среднего по РФ, то в 2011 г. они выросли, соответственно, до 75 и 91%.

Мы, конечно же, не знаем всех причин, которые приводят к бедности как социальному явлению, но точно так же мы пока (да, по-видимому, и в будущем не будем) не знаем всех последствий, к которым приводит бедность в обществе и в индивидуальном развитии. Но эта констатация не освобождает нас от необходимости выявлять отдельные причины и последствия бедности.

В настоящей статье мы рассмотрим два направления, в которых проявляет себя бедность: с точки зрения биологической (или медицинской) и с точки зрения социальной. В первом случае мы рассмотрим корреляцию бедности и отдельных видов заболеваний. Выделим следующие классы болезней: инфекционные и паразитарные, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, психические и врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения. Проверим на статистических данных степень взаимосвязи частоты данных заболеваний и размера бедности и влияния бедности на динамику частоты данных заболеваний в обществе.

Обратимся к первому – биологическому – аспекту.

Проверка коррелируемости заболеваемости населения (в расчете на 1000 человек населения) с численностью населения, имеющего денежные доходы ниже прожиточного минимума, показала наличие высокой отрицательной (за исключением КЧР) связи. В целом по РФ коэффициент корреляции между названными явлениями составил -0,867, тогда как в Дагестане -0,743, Ингушетии -0,837, Кабардино-Балкарии – 0,918 (самый высокий), Карачаево-Черкесии +0,669, РСО-Алания -0,711 и Ставропольском крае -0,519 (самый низкий). С формальной точки зрения мы должны интерпретировать полученные значения так: доходы ниже прожиточного минимума являются косвенным фактором роста заболеваемости. Но при этом происходит влияние на динамику роста заболеваемости через какие-

то иные факторы и условия. Эту особенность проверим по двум направлениям: с одной стороны, дифференцируя факторы бедности, а с другой – дифференцируя заболеваемость по классам болезней.

Первое направление проведем по таким факторам, как численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, коэффициенты фондов и Джини, душевые доходы, стоимость потребительской корзины. Второе направление представляют уже упомянутые выше классы болезней.

Проверка корреляции частоты заболеваний на 1000 человек населения показала, во-первых, наличие высокой корреляции между данным явлением и фактором социального расслоения. В целом по РФ значение корреляции составило 0,623. Что может быть интерпретировано как то, что с ростом степени расслоения общества растет частота заболеваний.¹ Во-вторых, однозначно положительное значение этого коэффициента, как по степени социального расслоения общества, так и по приближению распределения доходов к нормальному распределению. В то же время в регионах СК имела место значительная вариация. В частности, самым высоким был коэффициент в Ингушетии (0,914), затем в КБР (0,61), Ставропольском крае (0,471), РСО-Алания (0,377). Иными словами, **с ростом социального расслоения и ростом отклонения кривой доходов в обществе от нормального распределения (коэффициент Джини) растет число заболеваний в обществе.** И чем ниже степень расслоения общества, тем ниже влияние данного фактора на динамику заболеваний. В целом это правило подтверждается на региональном уровне. Единственное исключение составляет Республика Дагестан, которая имела высокий отрицательный коэффициент корреляции (-0,734, кстати, по обоим коэффициентам).

Что касается душевых доходов и размера потребительской корзины, то возьмем не каждый показатель в отдельности, а их соотношение и проверим степень корреляции его с динамикой заболеваемости общества. Расчетный коэффициент корреляции в целом по РФ составил 0,789 и указывает на наличие высокой положительной связи между соотношением душевых доходов и размером прожиточного минимума с частотой заболеваемости в обществе. Что говорит о наличии прямой сильной связи, которая может быть интерпретирована таким образом: **с ростом различий между душевыми доходами и стоимостью потребительской корзины частота заболеваний в обществе растет.**

Это может означать одно из двух: либо размер прожиточного минимума невысок и не обеспечивает соответствующей биологической кондиции для организма, либо величина душевых доходов не столь значитель-

¹ При этом интересно знать порог, с которого начинает расти и какова форма этого роста: линейная, экспоненциальная или еще какая-то.

на, чтобы обеспечивать нормальное функционирование организма человека. Высокая корреляция параметра заболеваемости с коэффициентами фондов и Джини склоняет аргументы к первой части вывода.¹ Выявленная связь на общероссийском уровне подтверждается также и на уровне конкретных регионов СК. Правда, ее подтвердили лишь такие регионы, как Ингушетия (0,854), Кабардино-Балкария (0,589), Северная Осетия-Алания (0,669) и Ставропольский край (0,746), и следовательно, по отношению к данным регионам оправдано высказанное выше утверждение. В то же время два региона – Дагестан и Карачаево-Черкесия продемонстрировали обратную связь, соответственно, -0,79 и -0,452. Такое значение основных показателей, формирующих архитектуру бедности в регионе, требует новой интерпретации выявленной ранее связи. Интерпретировать ее непосредственно, исходя из формальных требований коэффициента корреляции, по-видимому, несколько некорректно. Поэтому требуется новая интерпретация.

Было проведено исследование корреляции упомянутых факторов социального характера и отдельных классов заболеваний с тем, чтобы получить ответ на вопрос: влияют ли такие факторы, как численность населения, проживающего за чертой бедности, коэффициенты фондов и Джини, соотношение между доходами и величиной прожиточного минимума на динамику инфекционных и паразитарных болезней, болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, нервной системы и врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения? Полученные результаты неоднозначны как в среднем по РФ, так и по субъектам Северного Кавказа. По отдельным классам болезней есть совпадение с общероссийскими, и таким образом северокавказские как бы повторяют общероссийские, но есть классы, по которым имеются различия, и северокавказские формируют новые тенденции. Кроме того, внутри регионов Северного Кавказа наблюдаются различия, которые указывают на наличие своих региональных тенденций.

Что касается конкретных классов заболеваний, то на динамику упомянутых классов болезней в регионах Северного Кавказа наибольшее влияние оказали численность населения, проживающего за чертой бедности (корреляция с такими классами болезней, как инфекционные и паразитарные составляла 0,977, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушение обмена веществ – 0,953). В отличие от регионов Северного Кавказа в среднем по России между названными факторами имеет место невысокая (0,2-0,3) корреляция. Другой класс болезней – болезни нервной системы и врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения – в регионах Северного Кавказа в отличие от средних по России хотя и имели высокий коэффициент корреляции

¹ Впрочем, этот вывод нуждается в дополнительной проверке другими методами.

ляции и в целом превосходящий среднероссийский (0,35-0,4), но был он отрицательным. Правда, не во всех регионах СК. В частности, по болезням нервной системы и долей населения с доходами ниже прожиточного минимума в КБР и РСО-Алания +0,577 и +0,856, соответственно, что в 2-2,5 раза выше, чем в среднем по РФ. Но в других регионах СК – Дагестане, Ингушетии, Карачаево-Черкесии значение данного коэффициента было отрицательным и разным по силе. В то же время, что касается класса болезней нервной системы, динамика его со всеми остальными параметрами (коэффициентами фондов и Джини, соотношения доходов и прожиточного минимума, а также частоты заболеваний) в субъектах Северного Кавказа, за исключением Кабардино-Балкарии и Ставропольского края, была высокой и положительной и в целом повторяла общероссийские тенденции. В КБР же имел место высокий, но отрицательный коэффициент корреляции. В Ставропольском крае по коэффициентам фондов и Джини имела место слабая, ничтожная связь. Правда, по другим параметрам все соответствовало общероссийской тенденции. Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения в регионах Северного Кавказа коррелировали с основными параметрами бедности даже выше, чем в среднем по РФ. Наибольшее влияние оказали на динамику данного класса болезней коэффициенты фондов и Джини, а также соотношение доходов и прожиточного минимума. В большинстве регионов СК корреляция высокая и положительная. Исключение составляют Кабардино-Балкария и Ингушетия. В КБР имел место высокий, но отрицательный коэффициент корреляции, в Ингушетии низкий, но также отрицательный.

Таким образом, обобщая данный аспект исследования бедности на Северном Кавказе можно констатировать, что, во-первых, динамика инфекционных и паразитарных болезней, болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, нервной системы и врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения *коррелирует с динамикой численности населения, проживающего за чертой бедности*, коэффициентами фондов и Джини, соотношением между доходами и величиной прожиточного минимума, душевыми доходами, расходами населения и т.д., составляющими основные конструкции бедности, даже выше, чем в среднем по России. Это означает, что упомянутые параметры бедности в регионах Северного Кавказа более сильно влияют на распространение упомянутых болезней. Во-вторых, по многим болезням регионы Северного Кавказа формируют свои региональные и субрегиональные тенденции, которые в значительной мере оказываются связанными с параметрами региональной бедности. В-третьих, внутри Северного Кавказа, уже на региональном и субрегиональном уровне, появляются новые тенденции связи бедности и раз-

личных классов болезней, т.е. появляется новое явление, которое связано с локализацией или пространственными особенностями общества.

Бедность – во многом причина роста заболеваний, приводящих к частичной или полной потере трудоспособности (инвалидности) населения. Северный Кавказ – один из лидеров по динамике роста инвалидности. Так, за период 2005–2012 гг. общая численность инвалидов в субъектах СКФО (без учета Чеченской Республики) возросла почти на 144,7%, в то время как в среднем по РФ на 114,8%. То же самое относится к показателю детской инвалидности (возраст от 0 до 17 лет). Несмотря на относительное снижение в указанный период этого показателя по СКФО (без учета Чеченской Республики) до 95,1%, он все же на 3,3 п.п. выше, чем в среднем по РФ.

Однако, бедность опасна еще и тем, что является причиной новых явлений. Рассмотренные биологические явления (такие как частота заболеваний, а также динамика распространения различных классов болезней) представляют собой лишь одну грань в проявлении бедности. Точно так же, как недоедание или употребление дешевых некачественных или же низкокачественных продуктов ведет к нарушениям в физиологии человека и сказывается на психосоматических характеристиках индивидов и даже групп населения, так же точно оно влияет на социальную и экономическую жизнь, внося в них свои новации. Экономические новации мы оставим бизнесменам и предпринимателям, которые ради сиюминутной выгоды: пропихивая испорченные или низкокачественные товары, используя «черные», «серые» схемы оплаты труда, ради того, чтобы урвать у общества в свой карман лишний рубль, гонят «паленую» водку, табак, тиражируют азартные игры и т.д., на самом деле упускают перспективу. Разберем ситуацию в так называемой социальной плоскости.

Бедность как социальное явление сопряжено с динамикой многих асоциальных явлений. Это общеизвестный факт. Но какова социальная физиономия бедности на Кавказе в новом веке?

В качестве основных социальных явлений, по которым проверялось воздействие параметров бедности, были: общее число зарегистрированных преступлений; преступлений, совершенных несовершеннолетними; число зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование; число зарегистрированных краж и число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Что показали расчеты?

Прежде всего, *общее число преступлений в расчете на 100 000 населения в наибольшей степени связано с соотношением душевых денежных доходов и размера прожиточного минимума (-0,902), коэффициента фондов (-0,81), коэффициента Джини (-0,79), размера потребительских расходов (-0,72)*. По всем названным параметрам бедности показатель по Северному Кавказу оказался выше, чем в среднем по РФ. Внутри СК на-

блюдается сильная вариация в первую очередь в разрезе отдельных параметров бедности. Речь идет о том, что в разных регионах СК базу преступлений формируют разные факторы. К примеру, в Дагестане определяющее влияние на число преступлений оказывали такие факторы, как коэффициент фондов и Джини, значение которых превосходило корреляцию общего числа зарегистрированных преступлений на 5 и более п.п. Стало быть, в Дагестане социальное расслоение выступает основным фактором или конструкцией, формирующей архитектуру преступлений. В Ингушетии, напротив, коэффициенты социального расслоения (фондов и Джини) почти никак не влияют на характеристику преступлений. Зато сильное влияние оказывает численность населения с душевыми доходами ниже прожиточного минимума (-0,74) и размер потребительских расходов (0,68). В Кабардино-Балкарии в целом влияние названных факторов оказывается ниже, чем в среднем по СК, но при этом архитектуру преступности формировали такие параметры бедности, как численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (-0,51), размер потребительских расходов (0,41), коэффициент фондов (-0,401), Джини (-0,4), и самые низкие показатели демонстрируют параметры соотношения душевых денежных доходов и размера прожиточного минимума (0,2). Преступность Карачаево-Черкесии формировалась в равной мере сильно тремя факторами бедности: размером потребительских расходов (-0,87), соотношением душевых денежных доходов и размера прожиточного минимума (-0,72), численностью населения с доходами ниже прожиточного минимума (0,65). Коэффициент фондов и Джини оказывали почти равное влияние (-0,4). Все это говорит о своеобразном комплексном или системном влиянии бедности на характер преступления в Карачаево-Черкесской Республике. Преступность РСО-Алания формировалась в основном соотношением душевых денежных доходов и размера прожиточного минимума (-0,9) и двумя коэффициентами социального расслоения: фондов и Джини (0,3). Остальные параметры почти не проявляли себя в региональной преступности. В Ставропольском крае преступность формировалась всеми факторами вместе и имеет, как и в КЧР, своеобразный комплексный характер. Однако в отличие от КЧР в Ставропольском крае первые три фактора были ниже на 10-15 п.п., а вторые, связанные с социальным расслоением общества, выше на 10 п.п.

Проверка влияния основных признаков бедности на динамику преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их участии, вызывает даже больший интерес, чем в целом число преступлений. И по этой части на Северном Кавказе состояние действительно вызывает беспокойство. Во-первых, все параметры бедности, что называется, отметились своим участием в динамике преступлений, совершенных несовершенно-

летними и при их участии, Наиболее сильное влияние оказал фактор численности населения с доходами ниже прожиточного минимума (0,87). Он оказался выше среднего по РФ почти на 61 п.п.

Далее по значимости – размеры потребительских расходов (-0,88), соотношение душевых денежных доходов и размера прожиточного минимума (-0,85), коэффициенты расслоения общества (-0,6 и -0,58). В наибольшей мере эти факторы проявили себя при формировании молодежной преступности в Дагестане. Все факторы оказываются на уровне средних по СК, а по факторам расслоения общества превосходили средние по СК на 20-25%. Аналогичная ситуация с молодежной преступностью в РСО-Алания; единственное отличие – в РСО-Алания факторы социального расслоения почти в 2 раза ниже, чем в Дагестане. Осетинский (а отчасти дагестанский) характер молодежной преступности и ее связи с основными параметрами бедности повторяются в Ставропольском крае. Заметные отличия демонстрируют КБР и КЧР, которые не похожи друг на друга ни количественно, ни качественно. Так, если в КБР основную лепту в формировании молодежной преступности вносили размер потребительских расходов и факторы социального расслоения (-0,5, -0,46 и -0,42), то в КЧР – численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (0,61) и размер потребительских расходов (-0,47). Факторы социального расслоения почти не участвовали в формировании особенностей молодежной преступности. Наконец, следует отметить самое низкое участие факторов бедности в формировании картины молодежной преступности в Республике Ингушетия. Фактор численности населения с доходами ниже прожиточного минимума имел отрицательное значение (-0,2), тогда когда во всех остальных аспектах он положительный по направленности, а два других (соотношение душевых денежных доходов и размера прожиточного минимума (0,23) и размер потребительских расходов (0,27) имели положительное влияние, но были ничтожно малы по своему уровню. Коэффициенты социального расслоения оказались ниже -0,1, и поэтому их участие при формировании данного явления могут быть проигнорированы.

А теперь по поводу отдельных видов социальных эксцессов. Прежде всего, все перечисленные выше социальные явления корреспондируют с параметрами бедности. Но при этом наибольшую корреляцию в регионах Северного Кавказа проявляли два явления: кражи и число изнасилований и покушений на изнасилования. Зависимость положительная и высокая и повторяет в целом среднероссийскую зависимость. В то же время данные явления по-разному коррелировали с отдельными параметрами бедности и по-разному в разных регионах СК. В частности, число краж сильнее всего коррелировало с численностью населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, в КЧР (0,93), Ставропольском крае (0,83), Дагестане и Ингушетии (по 0,7), КБР (0,5) и ниже всего в РСО-Алания (0,2). С размером прожиточного минимума, как и с его соотношением с душе-

выми доходами, во всех регионах СК имела место отрицательная, но весьма высокая корреляция. Самый низкий коэффициент корреляции РСО-Алания и Ингушетия (по -0,7), КБР (-0,8), Дагестан, КЧР и Ставропольский край (свыше -0,9). Аналогичная связь имеет место с потребительскими расходами. Ту же тенденцию, но с несколько иной вариацией по регионам проявили коэффициенты фондов и Джини. В целом их корреляция с кражами высокая, но отрицательная, хотя и ниже, чем по прожиточному минимуму.

Число изнасилований и покушений на изнасилование на Северном Кавказе имеет явную региональную специфику. Во-первых, в наибольшей мере данное явление коррелировало с потребительскими расходами, коэффициентами фондов и Джини. Коэффициенты корреляции составляли в целом по СК -0,93- 0,96. Кстати, по двум последним значение оказывается выше, чем в среднем по РФ. При этом наибольшие значения были получены в Ставропольском крае (-0,91), Дагестане (-0,73), Кабардино-Балкарии (-0,52). В других субъектах СК корреляция данного вида преступления с коэффициентами фондов и Джини оказалась ничтожной. Сильную корреляцию проявило данное явление с размером прожиточного минимума. Но при этом наибольший уровень получен по Дагестану (-0,83), Северной Осетии (-0,68), Кабардино-Балкарии (-0,64) и Ставропольскому краю (-0,53). С численностью людей, имеющих денежные доходы ниже прожиточного минимума высокая корреляция наблюдалась лишь в Ставропольском крае (+0,71), Дагестане (+0,58) и Кабардино-Балкарии (+0,4).

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и коэффициентами фондов и Джини в целом по СК коррелировали ниже, чем в целом по РФ (0,53 против 0,93 по РФ), но положительно. Наивысшую корреляцию показал Ставропольский край (0,81), следом за ним, но с отрицательным значением, РСО-Алания (-0,57). Умеренную корреляцию показали Дагестан и Ингушетия (0,4 и 0,33, соответственно). Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия – в пределах статистических погрешностей и ничтожно малую. Правда, Карачаево-Черкесия показывала высокую корреляцию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков с потребительскими расходами граждан – 0,83. С этим же параметром заметную корреляцию показывали РСО-Алания и Дагестан. Другие регионы почти никак не отреагировали на этот параметр. Численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, наиболее сильно коррелировали в Дагестане (-0,64), Ставропольском крае (-0,50) и Карачаево-Черкесии (+0,49). Другие регионы СК почти никак не отреагировали на этот параметр бедности и социального эксцесса.

* * *

Региональное развитие испытывает дефицит идей (подходов) к решению проблем распределения общественного богатства, борьбы с региональной бедностью, растущей социальной дифференциации, принимающей характер явной социальной несправедливости. На практике используется ограниченный круг подходов, методов, инструментов и механизмов для решения данных проблем. Наиболее часто, если не преимущественно, прибегают к пресловутому государственному регулированию¹ в форме финансовых дотаций (безвозмездных поступлений) федерального бюджета, региональные власти стараются получить их правдами и неправдами. Другие методы, такие как межрегиональная кооперация, культурный и научный обмен, стимулирование свободы перемещения населения, обеспечение прав и свобод граждан, развитие малого и среднего бизнеса, формирование региональных вертикально-интегрированных структур, активизация предпринимательства, развитие региона, находятся на втором плане либо вовсе не рассматриваются. Если они имеются в виду, то больше декларируются, чем практически используются. В результате

¹ Не так давно с одним из предложений выступила спикер Совета Федерации В. Матвиенко, которая предложила перенести офисы крупнейших корпораций и компаний в регионы. Это предложение вполне разумно. Однако нужно уточнить, во-первых, в какие регионы, во-вторых, каких компаний. Дело в том, что, во-первых, в России много регионов, которые нуждаются в создании так называемых «точек роста», а крупных компаний, которые на деле, а не на бумаге способны были бы преобразовать территорию, не так много, во-вторых, негосударственные частные и тем более зарубежные компании нельзя заставить сделать это. Предложение В. Матвиенко, видимо, может распространяться лишь на государственные компании (так называемые госкорпорации). Но и те найдут (как уже нашли) массу причин, среди которых управляемость компаний, репутация и прочие предлоги и отговорки, чтобы не делать этого. По-видимому, помощь Р. Абрамовича Чукотке не стала примером для российской бизнес-элиты. Известное обращение Д. Медведева, в бытность его президентом России, к бизнесменам из Кавказа «тряхнуть мошной» и помочь своей малой родине, как известно, окончилось простой прогулкой и то лишь некоторых из них в родные края. Никто из крупных бизнесменов не открыл ни новых предприятий, ни новых производств.

И в этой связи гораздо более важное значение имеет первый пункт предложения В. Матвиенко о пространственном перемещении офисов компаний. Из контекста высказываний В. Матвиенко следует, что перемещаться офисы должны в восточном направлении, т.е. ради освоения территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока. Но и европейский север, и Западная Сибирь, а также Урал и даже Поволжье, не говоря уже о Северном Кавказе, нуждаются в стимулировании развития. Однако заметим, что перемещение фирм не может кардинально решить фундаментальную проблему – наличие противоречий в пространственном развитии России. В свое время в ряде статей под разными названиями (от новой национальной государственной региональной политики до новой модели организации пространства России) нами были предложены различные подходы к решению данной проблемы, которая остается для развития России наиболее серьезной и фундаментальной.

этой пассивности и дефицита идей, растут различия между регионами, а внутри них – противоречия между богатыми и бедными слоями населения. В каждом регионе, даже самом «бедном», есть свои «олигархи», своя крупная буржуазия и свои люмпены. Причем растет число и первых и вторых, хотя и не в одинаковой пропорции. Число третьих, люмпенов, также растет, особенно в «бедных» регионах, где формируются своеобразные гетто. Правда, в отдельных регионах число бедных сокращается, но в других оно растет. В одних регионах бедность консервируется и расширяется ее социальная база вследствие растущего социального расслоения, тогда как в других наблюдается пусть и не столь активное, но снижение социального расслоения, сокращение удельного веса бедных и нищих.

С чем это связано? С наличием сырья, ресурсами рабочей силы, численностью населения, с климатом, историческими и культурными традициями, географическим местоположением, социальной и политической структурой общества, представительством в политической и административной элите государства, с методами государственного управления. Можно ли преодолеть отсталость и бедность при помощи эффективной региональной политики? Какой должна быть эта политика? Эти вопросы, в разном ракурсе и аспекте, встречаются в литературе, но, как мы полагаем, предлагаемые меры недостаточны, особенно вследствие несистемного характера, который связан с отсутствием полноценного и объективного знания именно региональной специфики.

О том, что российский Кавказ представляет собой один из самых богатейших регионов страны, да и мира, говорит его история, природный, ресурсный, демографический потенциал. Но очевидно, во-первых, неэффективное использование данного потенциала, во-вторых, неравномерное распределение имеющегося богатства между различными слоями общества. Налицо как бы стремление догнать среднероссийский уровень социального расслоения, что стимулирует ускоренное расслоение общества и рост бедности. Сказывается низкая адаптационная способность традиционной для России системы общества к освоению прогрессивных тенденций социального развития в передовых странах. Произошло своеобразное расширение пространства бедности на Северном Кавказе. Федеральным властям вкупе с региональными привычнее представлять Северный Кавказ как этакую «черную дыру», которая все поглощает, чем разбираться с животрепещущими проблемами его жителей.

Обобщение различных аспектов формирования регионального развития указывает на то, что одним из главных (и, по-видимому, решающим) условий решения проблем региона является способность регионального социума (власти, элиты, населения) создавать и поддерживать социальные, политические и экономические институты, стимулирующие экономическое развитие. Мировая практика свидетельствует, что регион

может достигать высоких показателей экономического развития, даже не располагая большими запасами сырья и ресурсов. Но он может стагнировать при наличии больших запасов сырья и ресурсов. Северный Кавказ богат ресурсами, но его развитие тормозится плохим состоянием общественных институтов как в регионах, так и в стране в целом.

С одной стороны, региональные институты должны максимально соответствовать федеративным законам (примата федеративного законодательства над региональным), а с другой – за счет специфических черт и определенной самостоятельности должны дать толчок развитию местной инициативы. Последнее в регионах приняло двоякий характер. С одной стороны, в региональных системах формируется механизм лояльности по отношению к центральной власти: не противоречить и тем более не противостоять ей, тогда будет обеспечена помощь со стороны федеральной власти. Для регионов важно за счет максимальной лояльности к федеральной власти получать от нее соответствующие преференции. С другой стороны, региональным системам необходим механизм некоторого равноправия, партнерства с федеральной властью. Эта модель взаимоотношений Центра и регионов наблюдается в России крайне редко. Доминирует же первая модель. Но она имеет много разновидностей: от тупого, не осмысленного следования указаниям федеральной власти (по принципу «чего изволите») до создания с ней особых отношений (чаще всего «лояльность в обмен на ресурсы»). Первая обычно трансформируется в модель «региональное развитие для региональных элит», которые «делят» ресурсы территории с федеральными чиновниками. В отдельных разновидностях второй модели в той или иной мере используются такие методы, которые благоприятствуют созданию возможностей для населения региона проявлять свои способности к производительной деятельности, которые стимулируют приток новой рабочей силы в регион и устраняют причины миграции рабочей силы из региона (особенно высококвалифицированной).

Благополучные условия для развития правовой системы: независимые суды, свободный доступ граждан к информационным ресурсам, равные права на защиту, соблюдение прав и свобод и т.д., достигаются развитием демократических институтов: свободой выборов, свободой волеизъявления граждан, возможностью выбора мэров, глав администраций, депутатов, сенаторов и т.д., т.е. формированием долгосрочных институциональных траекторий общественного прогресса. Именно такие институциональные траектории послужили бы прогрессу регионов РФ, в том числе Северного Кавказа.
